

УДК 81'1

ББК 81

DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-254-259

С. Г. Воркачев
Краснодар, Россия

**МИР НАИЗНАНКУ: КАРНАВАЛИЗАЦИЯ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА
В АФОРИСТИКЕ**

На материале афористических высказываний рассматривается явление карнавализации как временного ценностного обращения смыслов в области лингвокультурных концептов. Исследуются действующие здесь языковые приемы и средства создания комического, а также специфические функции комического, устанавливается, что пафосность концептов-мировоззренческих универсалий «снимается» карнавализацией.

Ключевые слова: карнавализация, лингвокультурный концепт, комическое, функция, языковая игра.

Сведения об авторе: Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков.

Место работы: Кубанский государственный технологический университет, Краснодар.

E-mail: svork@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6290-2582

Sergey G. Vorkachev
Krasnodar, Russia

**THE WORLD INSIDE OUT:
CARNIVALIZATION OF LINGUOCULTURAL
CONCEPT IN AFORISMS**

It is considered the phenomenon of carnivalization as temporary inversion of axiological meanings in the field of linguocultural concepts. Language means for creating the comical and its specific functions operating here are studied, it is established that the pathos of universal philosophical concepts is removed by carnivalization.

Key words: carnivalization, linguocultural concept, comical, function, language game.

About the author: Vorkachev Sergey Grigorievich, Doctor of Philology, Professor of the Foreign Languages Department.

Place of employment: Kuban State Technological University, Krasnodar.

E-mail: svork@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6290-2582

После выхода книги М. М. Бахтина о Рабле в 1965 г. [1] «карнавализацией» стало называться временное отступление от высоких и общепринятых идеалов. В ходе карнавала все основные категориальные противопоставления религиозной и бытовой культуры меняются местами: королем карнавала становится шут, нищий или дурак, святые оскверняются, верх становится низом, меняются местами мужское и женское начала, вместо слов благочестия звучит площадная брань [2].

Понятие карнавализации, выдвинутое М. М. Бахтиным, вошло, прежде всего, в теорию литературы, где и продолжает активно разрабатываться. Карнавал – явление социокультурное и, совершенно естественно, понятие карнавализации разрабатывается в культурологии и социологии. Естественный язык – составная часть и инструмент культуры, и, конечно, интерес лингвистов не мог пройти мимо феномена карнавализации, которая здесь изучается под углом исследования формальных и семантических приемов обращения ценностных смыслов [3; 4: 238–243].

Лингвокультурный концепт (ЛК-концепт) – основная категория лингвокультурологии – в семантическом плане представляет собой единицу лингвоментальности, фокусирующую

в себе особенности этнического мировосприятия и поведенческих установок.

Особое место среди различных видов лингвокультурных концептов по своей значимости, как представляется, занимают единицы высшего уровня абстракции, соответствующие мировоззренческим универсалиям, организующим в целостную систему сущностные ценности культуры. Количество их в лингвокультуре невелико и вполне исчислимо, но именно они выступают в качестве базисных структур социокода и играют роль своего рода ДНК социальной жизни, определяя, какие «знания, верования, ценностные ориентации, целевые установки, образцы деятельности и поведения будут преимущественно регулировать поведение, общение и деятельность людей, формировать их социальную жизнь» [5: 18].

Значительная часть ЛК-концептов-универсалий духовной культуры (совесть, справедливость, любовь, счастье, родина и пр.) тем или иным образом связаны с этическими нормами – моралью, которая по определению ригористична и не допускает компромиссов, и отмечены «пафосностью» как принадлежностью к «высоким» понятиям. Ожидаемой реакцией на нормативность как требование обязательности исполнения и пафосность выступает

естественное желание человека несколько принизить пафос и, хотя бы на время и в шутку, освободить себя от моральных обязательств, что и выливается в карнавализацию: ценностное обращение, когда высшее становится низшим и наоборот, когда формируется «мир наизнанку». Подобное временное обращение ценностей приносит человеку определенный терапевтический эффект, позволяя снять психологическое напряжение, возникающее при расхождении норм идеала с нормами обыденной жизни.

Материалом для описания «смехового» подхода к ЛК-концептам послужили тексты афористики (в том числе философской), взятые из соответствующих сборников и Интернета.

Семиотически карнавализация в афористике осуществляется главным образом с помощью различных приемов языковой игры, создающих «языковую шутку» [6: 14–16]: «жонглирования» формальными и содержательными ассоциативными связями вербальных знаков – замены «ближних», ожидаемых ассоциаций на «дальние», периферийные и маловероятные.

Языковые средства передачи комического здесь не являются специфическими: это все то же обыгрывание омонимии, паронимии и полисемии, «буквализация» фразеологизмов, этимологизация, контаминация штампов, скрытое цитирование, каламбур, использование стилистических приемов и «риторических фигур».

При исследовании ценностного обращения ЛК-концептов имеет смысл, очевидно, рассмотреть специфический для этой области набор языковых приемов и средств создания комического, как формальных, так и содержательных, а также специфические функции комического, действующие в этой области.

Формальные ассоциации лексем, вербализующих ЛК-концепты в языковую игру, включаются относительно редко: «*Мой и сей*» напутствовал *Моисей*, выведя народ свой из Египта (Афонченко); *Народ с Госдумою – едины! Но только разное едим мы* (Крайнев-Рытов); *Наш народ правдой не исправишь* (Борисов); *Народ проголосовал за демагогию* (вместо ожидаемой «демократии». – С. В.) (Давидович).

Естественно, в афористике активно используются разного рода формальные средства создания комического эффекта – каламбуры, основанные на многозначности слов, вербализующих ЛК-концепты, и «овеществлении» связанных с ними метафор: *Настоящий патриот не ищет выгоды от продажи Родины* (NN); *Он был таким большим патриотом, что продал свою Родину дороже, чем она*

стоила (Петан); *Моя любовь к Родине охладела, когда я узнал, что она изменяет мне с другими* (Петан). Обыгрывается оксюморон, возникающий во фразах: *Любовь к родине не знает границ* (Ежи Лец); *Внебрачный сын отечества* (NN) и *Любовь: не поддающееся точному определению чувство, которое крайне осложняет жизнь, особенно половую* (Лауб).

Для создания комического эффекта довольно часто используется буквализация фразеологизмов и оживление стершихся метафор: *В любовном треугольнике один угол всегда тупой* (NN); *В любви теряют рассудок, в браке же замечают эту потерю* (Сафир); *Трудно не оценить платную любовь. Её цена обычно известна заранее* (Лец); *Любовь без границ накладывает на человека ужасно много ограничений* (Станцлик); *Вышли мы все из народа – вот народа и не осталось* (Рас); *Когда чаша терпения народа переполняется, он наполняет ее самогоном* (Давидович); *Народ – потерпевший. Отхлестали всеми ветвями власти* (Крайнев-Рытов); *Наш народ так политически подкован, что на нем еще ездить и ездить* (NN); *Радуется, что народ наш идет с государством рука об руку. Огорчает только, что их связывают наручники* (Янковский); *Резкий подъем экономики окончательно оторвал ее от народа* (Мамчич); *Откуда такой грохот? Каждый кует свое счастье* (Колечицкий); *Чужим счастьем мы можем заразиться, как болезнью, но, к сожалению, счастье никогда не вызывает эпидемии* (Неве); *Большинству родившихся в сорочке так и не удается за всю жизнь скопить достаточно денег хотя бы на один приличный костюм* (Сервус); *Упал так счастливо, что колесо фортуны проехало по его хребту* (Ренар).

Безусловно, комическое – это, прежде всего, «игра со смыслом» (Бергсон), вернее, со смыслами, зачастую взаимоисключающими, точкой гармонического слияния которых – своего рода контрапунктом – выступают лексические единицы, представляющие «асимметрический дуализм языкового знака» (Карцевский): полисемию, омонимию, амбивалентность (двусмысленность). Так, обыгрывается многозначность лексем «любить» и «любовь», отправляющих к различным видам любви и положительного эмоционального отношения: *Ты когда-нибудь видел женщину, которая любила бы бедняков?* (Паньоль); *Любовь к самому себе – роман, длящийся всю жизнь* (Уайльд); *Нет любви более искренней, чем любовь к еде* (Шоу); *Не будем скрывать своих возвышенных чувств, например, своей любви к власти* (Васильковский). Обыгрываются антонимические связи образующих афоризм лексических

единиц: *Наш народ не продается. Но легко покупается* (Давидович); *Только у нас подавляющая часть населения постоянно выглядит подавленной* (Мамчич); *Тот, кто желает вести народ за собой, вынужден следовать за толпой* (Уайльд); *Чем безмолвнее народ, тем громогласнее тираны* (Татаркин); *Мой любимый народ, подари мне счастье стать твоим слугой в качестве твоего правителя!* (Геворгян); *Народ голосует за бесноватого, требуя нормальную жизнь* (Давидович). Несколько реже в этих целях используются синонимические связи: *Расстрелянный народ за казненного царя не отвечает* (Давидович); *Дайте народу свободу, и он потребует от вас независимость* (Сухоруков); *У народа все не как у людей!* (NN); *У нас плохие люди, зато какой хороший народ!* (Давидович); *В толпе – всегда по пути с народом* (Сухоруков); *Народ, лишенный голоса, делает свои дела молча* (Афонченко).

Как показывают наблюдения, достаточно частым способом создания комического эффекта в отношении лингвокультурных концептов является метафорический перенос, основанный на актуализации периферийных и относительно мало вероятных ассоциаций этих концептов: *Счастье никому не кажется таким слепым, как тем, кому оно ни разу не улыбнулось* (Ларошфуко); *Одним счастьем улыбается, другим скалит зубы* (Врублевский); *Со счастьем дело обстоит как с часами: чем проще механизм, тем реже он портится* (Шамфор); *Счастье походит на богатую и расточительную жену, которая разоряет семью, куда приносит богатое приданое* (Шамфор); *Счастье – это шар, за которым мы гоняемся, пока он катится и который мы толкаем ногой, когда он останавливается* (Буаст); *Мы все пьем из источника счастья дырявым сосудом; когда он доходит до наших уст, то бывает почти пуст* (Буаст); *Не бывает счастья без червоточин* (Гораций); *Неудобство безмерного счастья состоит в том, что часто оно переходит все границы приличия* (Сервус); *Что такое любовь? Это – зубная боль в сердце* (Гейне); *Любовь – это океан чувств, отовсюду окруженный расходами* (Дьюар).

Тематически, например, в «амурной шутке» обыгрывается преимущественно «патологическая метафора», в которой любовь уподобляется болезни: *Любви с первого взгляда можно доверять примерно так же, как диагнозу с первого прикосновения руки* (Шоу); *В любви, как и во всем, опыт – врач, являющийся после болезни* (Ланкло); *Возраст – лучшее лекарство от любви* (Генин); *В ревматизм и в настоящую любовь не верят до первого приступа* (Эбер-Эшенбах). Почти

так же часто любовь уподобляется различного рода деятельности: *Как только любовь отдаёт все, она кончает банкротством* (Геббель); *Любовь – самая рискованная торговля, оттого-то банкротства в ней столь часты* (Ланкло); *В любви, как и в кулинарии, приправа почти всегда – самое лучшее* (Рей); *Любовь – рыбалка. Не клюёт – сматывай удочки* (NN); *Любовь – это мелкая кража, которую удаётся совершить природному порядку вещей у порядка общественного* (Ривароль).

Комический эффект может быть также вызван неожиданностью, внезапностью её логического развития, отсутствием в тексте опосредующих звеньев: *Когда человек счастлив, он всегда хорош. Но не всегда хорошие люди бывают счастливы* (Уайльд); *Знаю лишь одну истину: труд – единственное счастье человека. Верю лишь в эту истину и все время её забываю* (Ренар); *В юности я думал, что богатство и власть могут сделать меня счастливым. Я был прав* (Уилсон); *Если деньги не дают счастья, отдайте их!* (Ренар); *Не многие из нас могут вынести счастье – разумею, счастье ближнего* (Марк Твен); *Я люблю и любима. Увы, это не один и тот же человек* (Ипхорская); *Любовь – это хорошая вещь, но золотой браслет остаётся навсегда* («Джентльмены предпочитают блондинок»); *Из всех мужчин, которых я не любила, лучшим был мой муж* (де Сталь); *Любимая женщина – та, которая может причинить вам больше страданий, чем любая другая* (Рей); *Купи собаку. Это единственный способ купить любовь за деньги* («Пшекруй»); *Я ей не прощаю того, что я любил её* (Чехов); *За деньги нельзя купить любовь, но можно улучшить исходные позиции для торга* (Лоренс Питер).

Дискурсивная «игра смыслов», как правило, отмечена парадоксальностью как неочевидностью суждения, истинность которого установить достаточно трудно и которое резко расходится с общепринятым мнением и даже со здравым смыслом: *Постоянство в любви – это лень сердца* (Рей); *Тот, кто был счастлив в любви, не имеет о ней никакого понятия* (Ануй); *Если двое любят друг друга, это не может кончиться счастливо* (Хэмингуэй); *Главное различие между любовью за деньги и бескорыстной любовью заключается в том, что любовь за деньги дешевле* (Франсис); *Лекарство от любви: брак* (Унеховский); *Чтобы любовь была вечной, равнодушие должно быть взаимным* (Дон-Аминадо); *Христианство много сделало для любви, объявив её грехом* (Франс); *Человек – побочный продукт любви* (Лец); *Если судить о любви по обычным её проявлениям, она больше похожа на вражду, чем на дружбу* (Ла-

рошфуко); *Трагедия не в том, что любовь проходит; трагедия – это любовь, которая не проходит* (Хиззард); *Говорят, что ложь убивает любовь. Но откровенность убивает её быстрее* (Эрман); *Ни в одной страсти себялюбие не царит так безраздельно, как в любви; люди всегда готовы принести в жертву покой любимого существа, лишь бы сохранить свой собственный* (Парошфуко); *Любовь никогда не умирает от нужды, но часто от несварения желудка* (Ланкло). Парадоксальность в любовной афористике может доходить до катахрезы – сочетания в одном суждении противоречивых, но не контрастных по своей природе понятий: *Любовь – это эгоизм вдвоем* (де Сталь); *Любовь – это награда, полученная без заслуг* (Хаш); *Любить – значит признавать правоту любимого человека, когда он неправ* (Пеги); *Из вечных вещей любовь длится короче всего* (Мольер).

Почти столь же часто в этих целях используются различного рода инференции и «антиинференции» – ожидаемые и неожиданные выводы из содержания какой-либо части афористического высказывания: *А если тошнит от народа – это беременность чем?* (Шендерович); *В очереди за благосостоянием крайний всегда народ* (Александров); *Государство похоже на тещу в том смысле, что человек выбирает себе жену, народ – образ жизни, а тещу и государство они получают в подарок за свой выбор* (Янковский); *Если народ бунтует, значит, бурлит свобода в нем* (Сухоруков); *Когда народу затыкают рот, тот становится мыслителем* (Колечицкий); *На пути демократических преобразований главная помеха – народ* (Семенов); *На свете существуют две истины, которые следует помнить нераздельно. Первая: источник верховной власти – народ; вторая: он не должен ее осуществлять* (Ривароль); *Народ, позволяющий себя погонять, можно кормить и сеном* (Сухоруков); *Нельзя поставить на колени народ, привыкший ползать* (Генин); *Обещания политиков выполнять народу* (NN); *Пока народ верит обещаниям, надо найти в нем силы их выполнять* (Мамчич); *Примета: если народ не имеет своего голоса, значит, его вдоволь имеют его избранные* (Сухоруков); *Садомазохизм народных масс почему-то не считается извращением* (NN); *Хорошо народу, во главе которого стоит светлая личность: с такой легче блуждать в потемках!* (Генин); *Некоторые полагают, чтобы руководить народом, иногда даже вредно любить этот народ, а то неровен час разбалует* (Кригер); *Наш народ не жадный, каждый раз он выдает власти кредит доверия и каждый раз сам за него*

расплачивается (Янковский); *О воле народа обычно говорят те, кто ему приказывает* (Чапек).

Комический эффект может также создаваться соединением в одном суждении взаимоисключающих концепций – например, в случае счастья, гедонической (наслаждения) и эпикурейской (покоя): *Счастье – это жить на необитаемом острове с телевизором и компьютером, иметь три жены, теплое море, безмятежность...* (NN); *Счастье – состояние души, среднее арифметическое эйфории и покоя* (NN). Либо же за универсальную формулу счастья может выдаваться его весьма редкостная стоическая концепция, предполагающая, что счастье заключается в добродетели, а следовать или нет нормам морали и, соответственно, чувствовать или не чувствовать себя счастливым всецело зависит от нашей воли: *Если хочешь быть счастливым, будь им* (Козьма Прутков).

Из стилистических приемов здесь чаще всего встречается антитеза – «фигура контраста»: *Мужчины предают из ненависти, женщины – из любви* (Сафир); *Женщины знают смысл любви, мужчины – её цену* (Марти Парни); *Любовь начинается со слияния душ и тел, а кончается разделом совместно нажитого имущества* (Сервус); *Женщины говорят о любви и молчат о любовниках, мужчины – наоборот* (Цветаева); *Любовь – история в жизни женщины и эпизод в жизни мужчины* (Рихтер); *Слава есть любовь, доступная немногим; любовь есть слава, доступная всем* (Ландау); *Мы мысленно возвращаемся к первой любви, чтобы покончить с последней* (Лешек Кумор); *Любовь начинается идеалом, а кончается одеялом* (NN); *Любовь начинается с больших чувств, а кончается маленькими ссорами* (Моруа); *Если любовь не может защитить от смерти, то, по крайней мере, примиряет с жизнью* (Сенкевич).

Обыгрывание прецедентных фраз и текстов включает шутки о ЛК-концептах в «вертикальный контекст» соответствующей вербальной культуры. Для создания комического эффекта используются ассоциации прецедентного характера, с помощью которых обыгрываются общеизвестные фразы, ситуации и тексты: *Безграничная любовь разрацает безгранично* (Голоногова); *Любовь вдохновляет на великие дела, и она же мешает их совершить* (Дюма-сын); *Когда я слышу слово «народ», моя рука тянется к валидолу* (Шендерович); *Король: а народ-то голый!* (Зыбура); *Нашему народу нечего терять, кроме правительства* (Крутиер); *С народом «каши не сварить», но топоры всегда найдутся* (Борисов); *Соль земли – на раны народа!* (Шендерович); *Дело пророков – пророчествовать, дело наро-*

дов – побивать их камнями (Ходасевич). Особенно популярна здесь пушкинская фраза «Народ безмолвствует»: *Народ безмолвствует – молчит благим матом* (Кашеев); *Народ безмолвствует матом* (Давидович); *Пока существует ненормативная лексика, народ не безмолвствует* (Герчиков).

Комическое в зависимости от жанровой принадлежности (юмор, ирония, сатира) и способа реализации обладает различным набором социокультурных функций: людической (эстетической) – стремления развлечь и развлечься, катартически-терапевтической – снятия угрозы с помощью психологической разрядки, агрессивной – средством нападения, деструктивной – разрушения отживших ценностей и освобождения сознания от всякого рода «чужих» и химер, конструктивной – утверждения положительных идеалов, воспитательной – сохранения нравственных и культурных норм и идеалов, самоутверждения – стремления доказать превосходство собственного интеллекта, маскировочной – позволяющей обойти цензуру, девятизначной (защитной) – уклонения от серьезного обсуждения предмета – и противоположной ей пенетративной – проникновения сквозь психологические барьеры, устанавливаемые сознанием на пути обсуждения серьезных проблем, эвристической – постижения внутренних противоречий предмета, информативной, социализирующей – свидетельством групповой и этнической общности и, вероятно, другими [7: 25–28].

Функция людическая («языковой игры») преобладает в каламбурных шутках, основанных на игре слов, лексической и семантической инверсии: *Мера любви – любовь без меры* (Франциск Салезский); *Любовь – занятие досужего человека и досуг занятого* (Бульвер-Литтон); *Любовь без границ накладывает на человека ужасно много ограничений* (Станцлик); *Счастье есть, и пить тоже счастье* (NN); *Счастье – есть. Не есть – вот несчастье* (NN).

Функция катартически-терапевтическая, направленная на снятие напряжения и гармонизацию отношения к жизни, реализуется в отношении, например, несправедливости – юмор здесь помогает человеку выжить в мире, где справедливость во все времена остается лишь абстрактным идеалом, достижение которого проблематично, а несправедливость конкретна и повсеместна. Ценностный статус антонима справедливости повышается отсылкой к тому печальному факту, что блага и невзгоды в этом мире распределяются незаслуженно, а если так, то основным принципом воздаяния является как раз несправедливость. Следовательно, сохранение существующего status quo – в интересах большинства, поскольку восторжество

справедливости, многие окажутся в проигрыше: *Жизнь никогда не бывает справедливой. Для большинства из нас так оно, пожалуй, и лучше* (Уайльд); *Несправедливость перенести сравнительно легко; что нас ранит по-настоящему – это справедливость* (Менкен); *Если принимать каждого по заслугам, то кто избежит кнута?* (Шекспир); *Всякий раз, когда я вспоминаю о том, что Господь справедлив, я дрожу за свою страну* (Джефферсон).

Функция пенетративно-эвристическая, направленная на разрушение стереотипов обыденности и проникновение сквозь психологические барьеры, устанавливаемые сознанием на пути обсуждения серьезных проблем, реализуется преимущественно в высказываниях праксеологической направленности: *Когда закрывается одна дверь счастья, открывается другая; но мы слишком часто продолжаем стоять у запертой двери и не видим, что другая дверь уже распахнулась для нас* (Келлер); *Большинство людей счастливы настолько, насколько они решили быть счастливыми* (Линкольн).

Итак, особое место в типологической схеме лингвокультурных концептов по своей значимости занимают единицы высшего уровня абстракции, соответствующие мировоззренческим универсалиям, организующим в целостную систему сущностные ценности культуры. Значительная часть лингвокультурных концептов-универсалий духовной культуры связана с этикой и отмечена «пафосностью», которая «снимается» карнавализацией как временным ценностным обращением, когда высшее становится низшим и наоборот. Карнавализация самым непосредственным образом связана с «погружением» лингвокультурных концептов в «смеховой дискурс» и осуществляется через приемы создания комичности.

Формальные ассоциации лексем, вербализующих лингвокультурные концепты, в набор языковых приемов и средств создания комического в области лингвокультурных концептов входят относительно редко, зато здесь активно используются разного рода средства создания комического эффекта, основанные на многозначности слов, вербализующих лингвокультурные концепты, и «овеществлении» связанных с ними метафор. Для создания комического эффекта довольно часто используется буквализация фразеологизмов и оживление стершихся метафор. В лексических единицах, вербализующих лингвокультурные концепты, активно эксплуатируется «асимметрический дуализм языкового знака»: полисемия, синонимия, омонимия и амбивалентность.

Достаточно частым способом создания комического эффекта в отношении лингвокультурных концептов является метафорический

перенос, основанный на актуализации периферийных и относительно мало вероятных ассоциаций этих концептов, а также неожиданность развития логического вывода, задаваемого внезапной «сменой фреймов». Дискурсивная «игра смыслов», как правило, отмечена парадоксальностью как неочевидностью суждения, истинность которого установить достаточно трудно и которое резко расходится с общепринятым мнением и даже со здравым смыслом, и различного рода инференциями и «антиинференциями» – ожидаемыми и неожиданными выводами из содержания какой-либо части афористического высказывания. Обыгрывание прецедентных фраз и текстов включает шутки о лингвокультурных концептах в «вертикальный контекст» соответствующей вербальной культуры. Для создания комического эффекта используются ассоциации прецедентного характера, с помощью которых обыгрываются общеизвестные фразы, ситуации и тексты.

Функция людическая («языковой игры») преобладает в каламбурных шутках, основанных на игре слов, лексической и семантической инверсии; функция катартистическо-терапевтическая, направленная на снятие напряжения и гармонизацию отношения к жизни, реализуется в отношении, например, несправедливости – юмор здесь помогает человеку выжить в мире, где справедливость во все времена остается лишь абстрактным идеалом, достижение которого проблематично; функция пенетративно-эвристическая, направленная на разрушение стереотипов обыденности и проникновение сквозь психологические барьеры, устанавливаемые сознанием на пути обсуждения серьезных проблем, реализуется преимущественно в высказываниях прагматической направленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1965. 527 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Воркачев С. Г. Мир наизнанку: карнавализация лингвокультурного концепта в афористике // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 254–259. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-254-259

2. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. URL: <http://lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt> (дата обращения: 20.06.2017).

3. Воркачев С. Г. «Антипафос»: карнавализация в лингвокультуре // Вестн. Сев.-Осетин. гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. 2014. № 1. С. 174–178.

4. Воркачев С. Г. Воплощение смысла: conceptualia selecta. Волгоград: Парадигма, 2014. 331 с.

5. Степин В. С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 16–26.

6. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 544 с.

7. Кулинич М. А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 1999. 264 с.

REFERENCES

1. Bahtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa* [Works of François Rable and Folk Culture of Middle Age and Renaissance]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1965. 527 p.

2. Rudnev V. P. *Slovar' kul'tury XX veka* (Dictionary of XX Century Culture). Available at: <http://lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt> (Accessed 20 June 2017).

3. Vorkachev S. G. «Antipafos»: karnavalizacija v lingvokul'ture [«Antipathos»: Carnivalization in Language and Culture]. *Vestnik Sev.-Osetin. gos. un-ta im. K. L. Hetagurova. Obshhestvennye nauki* [Vestnik of North Ossetian State Univ. nam. K. L. Hetagurova. Social Sciences], 2014, no. 1, pp. 174–178.

4. Vorkachev S. G. *Voploshhenie smysla: conceptualia selecta* [Embodiment of Meaning: Conceptualia Selecta]. Volgograd, Paradigma Publ., 2014. 331 p.

5. Stepin V. S. Filosofija i epoha civilizacionnyh pere-men [Philosophy and Civilization Changing Epoch]. *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2006, no. 2, pp. 16–26.

6. Sannikov V. Z. *Russkij jazyk v zerkale jazykovoj igry* [Russian Language in Verbal Game Mirror]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1999. 544 p.

7. Kulnich M. A. *Lingvokul'turologija jumora (na materiale anglijskogo jazyka)* [Language and Culture in Humor]. Samara, Samar. gos. ped. univ., 1999. 264 p.

Статья поступила в редакцию 23.09.2017

For citation

Vorkachev S. G. The World Inside Out: Carnivalization of Linguocultural Concept in Aforisms. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 254–259. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-254-259.